

Она висела в главном углу нашей деревенской избы рядом с большой, взятой под стекло рамой, где были развёрнуты веером десятка два фотографий — вся семейная родословная в лицах. Чуть правее на гвозде топорщилась нахохлившаяся вороной старая керосиновая лампа, а пониже белели почётные грамоты мамы с профилями Сталина. Всё это были вещи запретные для моих детских рук, а потому — вызывающие интерес. Особенно притягивала она, скрипка. По малости лет я не мог знать истории её появления в доме, но каким-то чутьём угадывал, что самая тесная связь у скрипки — с прабабушкой, нашей бабой Зиной.

Они и внешне были чем-то похожи. Лицо бабы Зиной, будто высеченное плотницким топором из старого пожелтевшего лиственничного дерева, было покрыто густой сетью морщинок. И такой же паутинкой трещин была усеяна лакированная поверхность скрипки. Прабабушка была очень старой, и даже бабушка Лида рядом с ней казалась молодой и подвижной. Баба Зина любила сидеть в тёплые солнечные дни во дворе, на чурбаке у поленницы. И тогда лицо её почти сливалось с коричневыми торцами поленьев, и казалось, что ярко-белый платок очерчивает что-то несуществующее.

В туманные зимние дни, когда родители были на работе, а бабушка Лида уходила кормить и доить корову, мы часто оставались с бабой Зиной вдвоём, и я замечал, как иногда её взгляд почти невидяще скользил по раме с фотографиями, останавливаясь на скрипке. И тогда глаза её теплели, сухое лицо становилось мягче,

добрее и чуть-чуть грустнело. В такие минуты мне хотелось прыгнуть к ней на шею и крепко-крепко обнять. Но я не делал этого, потому что считал себя уже большим. Она, однако, чувствовала движение бесхитростной мальчишеской души, и сама молча начинала гладить меня по голове сухими лёгкими пальцами. Я прижимался лицом к выцветшему фартуку, что она носила постоянно, и долго вдыхал исходящий от его большого кармана необыкновенный запах лесных трав.

Особенно таинственной и прекрасной скрипка казалась вечером, когда недавно появившаяся под потолком маленькая электрическая лампочка, отгорев положенные четыре часа, мигала и гасла, и бабушка Лида зажигала испытанную временем керосиновую трехлинейку. Пометавшись из стороны в сторону и успокоившись, пламя над фитилём разливало по избе тёплые волны света, который, в отличие от электрического, казался живым и одушевлял все предметы. Оживала и скрипка. По её изогнутым бокам начинали двигаться малиновые блики, а смычок, отделившись от тёмных брёвен стены, зависал в воздухе. И тогда мне чудилось, что я слышу её пение. Оно казалось каким-то особенным, волшебным-прекрасным, наверное потому, что в нашем маленьком селе на берегу Лены никто не умел играть на этом инструменте, и он никогда здесь не звучал.

Глядя на скрипку, баба Зина часто говорила:

— Вот помру, положьте со мной в гроб. Ещё с Иваном надо было схоронить, она ить у ево заместо души была, да не смогла я, схотелось память в дому оставить. А уж со мной положьте обязательно ...

Мне эти разговоры не нравились, казалось, баба Зина так и будет жить в нашем доме вечно, и поэтому я начинал просить её лучше рассказать какую-нибудь сказку. Она охотно соглашалась, начинала и... не могла вспомнить конец. Я сердился, баба, Зина обижалась, и мы молча расходились в разные углы избы. А потом приходила бабушка Лида и мирила нас.

— Опять старый с малым не поладили, — улыбалась она, — смех и горе с вами. Идите-ка, попейте лучше молочка. Только что от Зорьки, парное ...

Проснувшись однажды тихим зимним утром, я не увидел бабы Зиной в избе, хотя в эту пору она не выходила на улицу. Бабушка Лида и мать долго не отвечали на мой вопрос, а потом почти в голос тихо обронили:

— Нет больше бабы Зиной...

Когда прабабушку внесли домой в гробу и поставили на табуретки в большой комнате, я сразу вспомнил её наказ. Взрослые и не заметили, как я подвинул в угол скамейку и потянулся с неё за скрипкой. Все обернулись, но было уже поздно — выскользнув из рук, скрипка со звонким треском ударилась о пол и раскололась на несколько частей.

— Что ж ты натворил! — ахнула бабушка Лида. — Ведь она же её с собой хотела...

Я застыл, опустил голову, из глаз ручьями покатились слезы, непослушные губы тряслись и не могли выдать ни слова.

— Да он затем и сымал, — вступилась за меня соседская старушка баба Поля. — Теперь уж дело не поправить, а при покойнице ругаться грех. Сама его простит ...

Отец молча собрал обломки скрипки, обмотал их чистым полотенцем и сунул в одежный шкаф.

Январский воздух шуршал от дыхания, и пока лошадь медленно везла сани до кладбища, я, шагая следом, невольно наблюдал, как медленно выступают белые пятна на лбу, щеках и носу бабы Зиной. Мне очень хотелось погреть эти места ладошкой. И казалось странным, что баба Зина сама не протянет руку, не потрёт замерзающее лицо. Но прабабушке, наверное, теперь всё было безразлично. Кроме одного: с ней

должна была быть скрипка. А её не было. И потому в углах застывшего рта пролегли строгие складки. Баба Зина сердилась на меня, я переживал вину и мысленно снова и снова просил у неё прощения.

Похоронили её в самой середине кладбища, на горке, в одной оградке с прадедом, где было заранее оставлено место для бабы Зины.

Светлое пятно в форме восьмёрки на стене дома ещё некоторое время напоминало всем о скрипке, но к осени оно медленно исчезло — изба как бы залечила рану...

А во мне чувство вины не проходило, и однажды я вдруг понял: надо сделать скрипку и унести её к бабе Зине и деду Ване. К тому времени я уже пошёл в первый класс и чувствовал себя совсем взрослым человеком — самостоятельным и много умеющим.

Дождавшись, когда дома никого, кроме меня, не осталось, я вынул из шкафа обломки скрипки. В сенцах у отца всегда стояла банка со стерляжьим клеем, я сходил за ним, по-хозяйски поставил на плиту. Пока клей нехотя плавился, — внимательно рассмотрел скрипку. Тоненькие дощечки её дек (тогда я, конечно, не знал их названия) были беззащитно хрупкими, а нижняя почему-то отличалась по цвету от верхней. Гриф разлетелся на две части по старому сколу, на котором виднелись следы клея.

«Значит, её когда-то уже ремонтировали, — мелькнуло у меня в голове. — А раз так, то и я сумею...»

Густо намазав обломки, я долго составлял их вместе. Дело это было непростое — несколько раз отдельные части разъезжались в стороны, пока я не догадался приматывать их друг к другу суровой ниткой. В конце концов, я собрал инструмент, правда, не всё получилось гладко — стыки были неплотные, в них светился клей, скрипка потеряла плавность обводов, но она была целой. Она снова стала сама собой.

Поставив одну на другую две табуретки, я осторожно забрался на них и положил скрипку сушиться на верхнюю полку над дверью, куда взрослые заглядывали очень редко. А ночью мне приснился долгий-долгий сон...

* * *

Возвратившись из кабака, Иван не пошёл в душную избу постоялого двора, а лёг спать прямо на телеге, накрывшись зипуном и подоткнув под голову побольше сена. Заснуть он не мог. Какая-то щемящая, радостная боль раз за разом пронзала грудь и снова возвращала в кабак, туда, где сегодня над пьяным гвалтом и разгулом царила она, Скрипка. Иван лежал на спине, всматривался в крупные осенние звёзды, словно набравшие вес и спелость к сентябрю, и думал о том, что прожил он немало, а вот почувствовал по-настоящему, охватил своей душой всего-то ничего. И только с нынешней весны как будто возвратилась к нему когда-то давно уже, в далёком далеке позабытая и потерянная настоящая большая радость. Малые-то, они были. И даже не совсем малые. Не раз благодарил Бога, спасаясь от напастей, не помнил себя от счастья, факт. Да ведь только было оно, счастье-то в том, что жив из передрыги выбрался, уцелел. Конечно, и это немало. А всё-таки настоящая, большая радость осталась где-то там, далеко-далеко, в мальчонке-стригунке светловолосом, да в парнишке, что по вечерам бегал к своей Зиночке за три версты. А Зиночка-то теперь эта — кто? Обычная сварливая баба. А ведь была ласковой да приветливой. Может, с того пошло, что ребятишек Бог не дал. Вроде и любили поперву друг друга, и здоровьем не обижены, а вот нет — и всё. Так незаметно в ожиданиях и очерствела Зинаида. Да и он-то тоже.

Да... было. До весны нынешней. А она разом всё и перевернула. Зинаида-то теперь — и та, и не та. И он другим стал, словно душой просветлел. Десять лет ездил

в губернский город, а только теперь будто прозрел и слухом заново родился — приметил скрипку, да не просто приметил — как с ума от неё сошёл... А всё это Ванюшка, Иван-младший, сынок неожиданный-негаданный...

Не пойдй он тогда к Лёхе Гроханскому, может, и не было бы ничего. У Лёхи того ни кола, ни двора — ни бабы, ни укладу, а он мальчонку в Иркутске в Базановском приюте взял. К чему? Непонятно. Им бы с Зинаидой — другое дело. Вот и пошёл Иван выпросить о приёмыше: как дело такое делается, мол, тоже бы сиротку из приюта пригрели.

А Лёха тот — мужик в деревне самый завалыщий. День гуляет — два отдыхает. Клин его весь лебедой зарос, на охоту или рыбалку калачом не заманишь. Понятно, и дома ветер по углам свищет. Глашка-то, жена его, поперву повоевала с ним, а потом и руки опустила. Ушла к родителям. Так и живёт Лёха теперь бобылём при живой жене, как немощный, перебивается с картошки на квас.

Пасха тогда была. Прихватил Иван два шкалика, пяток яиц крашенных, да и пошёл к Лёхе. Тот бутылки увидел, обрадовался, засуетился, со стола шелуху картофельную принял за рукавом сметать.

Выпили, яйцами закусили. Тут Иван и спросил напрямик:

— А мальчонку-то зачем взял?

Леха осклабился:

— Гы, гы ... Не барин небось, мальчонка-то — вырастет, куда денется... Гы, гы... К курам прилачился, и ладно. А три рубля в год губерния на прокорм ему платит. Деньги-то... гы, гы... они в хозяйстве не лишни...

Слушая Лёху, Иван мрачнел и наливался тяжестью. А тот не замечал, продолжал петь про свою расчётливость да сметку. Вдруг хвастливо-доверительный тон Лехи перешёл в срывающийся визг:

— А ну, пшёл отсель, сукин кот! — закричал он под стол.

И тут Иван увидел, как из-под их ног, лихорадочно перебирая тонкими ножонками и ручонками, быстро выполз на четвереньках мальчонка годов полутора. Отполз в сторону, боязливо глянул на Лёху и гостя. Взгляды их встретились, и Ивана поразила недетская серьёзность глаз мальчика, казавшихся необычно большими на худом личике. Это были глаза взрослого человека, глаза усталые и печальные, без обычного в таком возрасте внутреннего света.

В груди у Ивана что-то сжалось, закрипело.

А мальчонка быстро пополз к ближайшей от двери лавке, превращённой Лёхой в курятник. Там, за землистого цвета рейками привычно уже теснились несколько куриц и красно-рыжий петух с огромным, свесившимся на бок фиолетовым гребнем. Перед решёткой на полу стояло деревянное корытце, где в серой ячменной шелухе чернели обклёванные остатки горелой корки хлеба.

Мальчонка подполз к корытцу и протянул руки к одному из кусочков. Но рыжий петух не дремал. Склонив голову набок, он прицелился и, резко выбросив шею вперёд, ударил клювом в ещё не успевшую сжаться ручонку. На запястье тут же вспыхнуло алое пятнышко. Душа у Ивана оборвалась, но мальчонка не заголосил, а лишь отдёргнул ручку, сел, да по грязной щеке его прочертилась сверху вниз светлая полоска.

— Гы, гы... — осклабился Лёха.

И тогда Иван, с хрустом сжав огромный кулак, без слов припечатал его к ощеренной морде хозяина. Тот упал, как куль, без единого слова и почти без шума. Мальчонка на полу зыркнул боязливо глазищами, сжался ещё сильнее. Иван встал, наклонился к нему, провёл ладонью по засаленным и всклокоченным волосёнкам, взял на руки, запахнул полой полушубка и вышел.

Лёха отлёживался два дня. А потом, подойдя к Ивановым воротам, начал с улицы кричать, что, мол, никому не позволено снимать чужое, в трудах выкормленное дитя, но Иван, распахнув калитку, так на него глянул, что Гроханский опасливо замахал руками и быстро-быстро упятился за угол.

Так и появился в доме Звонковых второй Иван. Невелика, вроде, прибыль, а будто солнышко апрельское все углы высветило. Одну только ночь спал Ванюшка на старой дедовой лавке. А на утро вышел Иван под навес, где лежали у него стопкой сухие еловые доски да бруски, встал к верстаку и в один приём, к обеду, сладил мальцу кроватку с резными головками. Что-что, а столяр-то он был от бога, тут уж хоть всю деревню расспроси.

Ожила, приободрилась и Зинаида. Купала Ванюшку в лохане каждый вечер, будто всё хотела ту, гроханскую, грязь с него смыть, хотя и смывта она была начисто в первый же день. Волосёнки его, оказавшиеся волнистыми да мягкими, не переставала чесать гребнем. Кормила как барина, по пять раз на дню. Рубашонок нашла из полотна льняного, что себе на сарафаны берегла.

Много ли надо огольцу такому — через две недели уже и щеки у него округлились, ниточки на запястьях очертили пухленькие ручонки. Да и славный такой мальчонка оказался — и неревучий, и понятливый. Правда, не говорил почти ничего, ну это их не пугало: дело наживное, заговорит, в ласке-то быстро пообвыкнет. Чай, не у Гроханского под столом. Как-то кума Наталья к ним зашла, так только руками всплеснула. Вот, где, говорит, счастье-то в дом привалило. Да они и сами так решили: счастье и есть!

А когда поостыл Иван, взял полуштоф водки, пошёл к Лёхе. Ты, мол, шельмец, погубил бы задаром мальчонку, а теперь он при месте, пей за его здоровье, и чтоб промеж нами злобы не было. Лёха поначалу вроде заерепенился, а потом, после третьей стопки, согласно замотал головой: «Оно конечно... оно конечно... лучше ему у тебя-то будет... Забирай...» Иван на другой же день в волость поехал — выправил у писаря все нужные бумаги, у старосты деревенского отметил и в губернский приют отправил. Вскорости и ответ из Иркутска пришёл, мол, переписали сироту на вашу фамилию. Так и стал Ванька Базанов Ванькой Звонковым, Иваном-младшеньким.

Да, как ни крути, а мальчонка, почитай, и есть теперь главная радость у Ивана. Вчера вот тоже кумача ему на рубашонку купил, да картуз за полтину. Картуз-то хоть и маленький, но завидный — козырёк лаковый, хоть смотрись. Такие парни-женихи носят, а тут — огольцу. Ну, ничего, пусть ходит, глазёнками-то сверкает. Спадает, поди, картуз-то с головёнки. Да подрастёт быстро, и не заметишь, они как грибы после дождя вытягиваются, ребятишки-то... Вот и скрипка как бы тут подошла. Ох и играл бы он Ваньке своему, а тот ручонки сложил бы на коленях, да слушал так задумчиво...

Иван лежал на телеге, взгляд его тонул в чёрной бесконечности неба, блуждая между жёлтых звёзд, и думы одна за другой захлёстывали голову. А ещё снова и снова вспоминал он вечер в кабаке.

Началось все как обычно: сел на затёртую до блеска лавку к почерневшему столу, достал из кармана один из пяти припасённых в дорогу гривенников. Взял за семь копеек шкалик, а на остаток — два яичка да калач. Налил в кружку вина, перекрестился: «Дай бог продать удачно». Выпил. Только калач надкусил и принялся яичко шелушить, тут она и заиграла. И будто прожгла его насквозь. Так с куском во рту и застыл...

Эх, скрипка, скрипка... А ведь была она и в прошлую осень в кабаке, да, видно, душа Иванова другой стала, размякла, посветлела. И мужичок тот же самый играл — маленький, лысый почти что начисто, горбоносый. Невидный такой, а взял в руки

инструмент — и царём стал. Как он про Маньчжурские сопки-то сыграл, аж душу всю вывернул, и кабак будто притих, призадумался. На этих сопках, под Мукденом каким-то, десять лет назад младший брат Александр голову сложил. Видно, тому, кто музыку эту придумал, тоже там солоно пришлось.

Иван сидел в кабаке до тех пор, пока играл скрипач. И всё смотрел на руки его и инструмент. Со стороны ничего хитрого будто и не было: прижал скрипку подбородком, води смычком, да пальцами струны прижимай в нужном месте. А всё-таки непривычно — не гармошка и не балалайка. Да и поёт как — далеко тем! «Попробовать бы, — зародилась в Ивановой голове мысль, — слухом Господь не обидел, гармонику, помнится, в пару месяцев осилил, первым на деревне стал. И на балалайке получалось...»

Робкая было с вечера, эта мысль наутро начала утверждаться в нём всё прочнее и прочнее.

— Вот купить бы такую, — неожиданно сам для себя произнёс Иван вслух, запрягая Воронка. И тут же огляделся по сторонам украдкой: не слышал ли кто. Рядом никого не было, и он уже смело продолжил: — Да денег-то, где возьмёшь?! За двенадцать пудов зерна дай бог шесть рублей выручить. А она, поди, одна рубля три стоит. На одежду, сахар, чай ничего и не останется. Так-то, господин миллионщик, не по Сеньке шапка... Эх, жизня...

На рынок он приехал одним из первых, быстро уплатил за место, устроился, достал безмен. Таких мужиков, как он, съехавшихся в Иркутск со всей округи с надеждой подороже продать собранную пшеницу, было немало. А потому покупатели по долгу ходили от воза к возу, щупали, мяли пальцами, пробовали на зуб зерно и долго не делали выбора.

В первый день Иван продал только два пуда. Как и рассчитывал — по полтине. А на следующее утро против него вдруг остановился представительного вида купчина, от которого пахивало водкой. Долго смотрел зерно: Звонков знал, что у него оно не хуже других. Но и не лучше. А купцу чем-то приглянулся Иван, и он вдруг весело подмигнул и предложил:

— Ну что, богатырь, отдашь по рублю?

У Ивана от радости вся душа всколыхнулась, но виду он не подал, степенно ответил:

— Эт можно...

Тут же подъехала телега с двумя парнями, они быстро взвесили и перегрузили мешки, а купец вручил Ивану новенький червонец. «А ведь есть Бог на свете», — повторил несколько раз про себя Звонков, всё ещё не веря в удачу. Но деньги были в руке, телега — пуста, и Иван тут же поехал делать покупки, вспоминая все наказы Зинаиды.

Он несколько раз заходил в лавку купца Савельева. Для виду покупал кое-что по мелочи, копеечное — иголки шорные, шарниры маленькие, напильник трехгранный. А сам всё смотрел на верхнюю полку, где рядом с гармошками и балалайками светила темно-красным лаком Она.

В последний раз Иван не выдержал:

— Скрыпку бы мне...

— Чего, чего? — не понял приказчик.

— Скрыпку...

— Да ты, братец, поди, её в руках отроду не держал. Вижу, из деревенских. Что делать-то с ней будешь? Сей инструмент особый, деликатный, не для всякого. Умение специальное требуется. Обучение-с... Гармонику лучше возьми. Сподручнее ...

— Не держал, так подержу, — поспешил поскорее все закончить Иван, — мы тоже не без понятия. И на гармонике можем... Извольте вот три целковых за скрипку...

— Что ж, получи, братец, коли так. Скрипка-с... смычок-с... футляра-с... канифоль-с для смычка... Всё в комплекте-с...

Выходя из лавки, Звонков не видел, как приказчик за его спиной фыркнул в ладонь и убежал за перегородку — рассказывать хозяину о чокнутом мужике.

Теперь самым главным было показать покупку Зинаиде и попробовать как-то всё объяснить ей по-человечески. «Не поймёт ведь баба, не поймёт. Скажет: три целковых угробил на какую-то финтиклюшку. И по деревне ржать станут...»

Иван думал об этом всю дорогу, даже в трактире, куда заехал пополдничать, но так и не смог ничего придумать. Раза три в пути останавливал коня, доставал из футляра скрипку тихо проводил ладонями по её лаковой поверхности, а потом снова осторожно клал на место. «Эх, всё обсказать бы, как оно есть, да слов ить не хватит», — по кругу витала в голове одна и та же мысль.

Так ничего и не надумав, Иван брякнул с самого порога:

— Скрипку купил...

И стал смотреть на жену. Та молча перекрестилась, уставившись на него немигающими глазами, а потом неуверенно начала:

— Запил, чо ли? Сдвинулся? На какую мать она тебе, скрипка-то, спонадобилась?!

Иван в ответ лишь молча положил на стол неистраченные деньги, бережно опустил рядом обтянутый кожей футляр, свёртки с покупками.

Поняв, что муж не пьян и не с похмелья, Зинаида перешла в более решительное наступление.

— Скрипку! Да я от сраму перед кумовьями-то сторю, — тонко звенел её голос, — да деревня-то вся от смеху ногами дрыгать будет. Дурень со скрипкой из цирку приехал ... клоун ... Разоритель! И какой бес тебя тогда из лесу вывел, блудил бы уж лучше до скончания века ... Милльонщик выискался!

Войдя в раж, она принялась кружить вокруг застывшего огромной глыбой Ивана, норовя ткнуть его кулаком в бороду. Он слушал молча и лениво отмахивался. Но когда Зинаида вскинула было руку над лежащей на столе скрипкой, — легонько задел жену кулаком под глаз. Шлёпнувшись задом на лавку, Зинаида запричитала. Заплакала тихо следом и Ванюшка, привыкший уже к спокойствию да ладу.

— Погубить нас захотел, кровопивец, — подхватила мальчонку на руки Зинаида, размазывая слёзы по щекам. — По миру решил пустить! Вместо рубашечков теперь, сыночек, скрипку ево носить станешь...

* * *

Чтобы не слушать жениного плача и попрёков, Иван направился в амбар и начал быстро собираться на охоту. Повесил на пояс нож и кресало, сунул в котомку соль, патроны, ломоть хлеба. Зачем-то разломил ствол ружья, пристально глянул в него, хотя и так знал, что в порядке, чистое. Зинаиде бросил через плечо:

— В Чёрную падь, на солонцы.

Жена и не обернулась в его сторону, будто не слышала.

До места охоты было вёрст двенадцать, и подошёл он туда, когда уже смеркалось. «Чёрной» падь прозвали из-за огромных елей, которые здесь заметно потеснили обычные для всей округи кедры. Издалека падь, действительно, казалась чёрной. Даже днём среди этих серых лесин, под разлапистыми ветвями, почти не пропускавшими солнечного света, было сыро, пасмурно, неуютно, хотелось поскорей выбраться

отсюда в весёлый кедрчак с его взметнувшимися вверх золотистыми свечами стволов и лёгкими кронами. Но именно здесь, на небольших полянках между елями, из земли выступали рассолы и встыхали на суглинке хрупкой корочкой. Эти полянки были самыми желанными местами для косуль и изюбров, которые издавала приходили сюда по ночам за излюбленным лакомством — солью. Деревенские охотники об этом знали и часто устраивали здесь засидки. На одном из солонцов у Ивана был свой старый скрадок.

...Как бы ни был он расстроен и занят своими мыслями, но пройти просто так мимо этого дерева не мог. Вот уже пять лет, оказываясь поблизости, он обязательно подходил сюда и молча стоял какое-то время, будто отдавая дань благодарности и памяти старой ели.

И сейчас, потрогав рукой залеченные смолой глубокие царапины на коре, он снова вспомнил всё...

В ту августовскую ночь на косулю охотился не он один. На противоположном краю поляны, распластавшись за корягой и вывалив от нетерпения язык, лежал огромный бурый медведь. Он ждал, когда косуля, сторожко ступающая по изрытой копытами земле, подойдёт поближе, чтобы двумя выверенными прыжками донести и обрушить ей на спину смертельную тяжесть своих лап.

Боковой ветер относил запах человека, и медведь долго его не чуял. А когда почуял — к охотничьему азарту нетерпения стала примешиваться злоба на пришельца, который может ему помешать, а то и отнять добычу.

Так оно и случилось. Косуля сделала подряд несколько шагов в сторону человека, и начавшую уже редеть темноту разорвала оранжевая вспышка. Косуля упала. Выстрел на какое-то мгновение ослепил зверя, оглушил его, а когда он пришёл в себя, то увидел выходящего на поляну охотника. Вложив в мышцы всю заклокотавшую в нём злобу, медведь устремился к человеку.

Иван успел заметить метнувшуюся из-за деревьев чёрную тушу и отскочил назад, за первый попавшийся ствол. Медведь, пролетевший с разгона мимо, всё же зацепил лапой ружьё, отшвырнул его на несколько саженей и, крутанувшись на месте, бросился на Ивана. Тот укрывшись за елью, принявшей на себя первый удар когтей.

И тут началось страшное испытание. Расставив в стороны лапы медведь попытался достать ими Ивана, который стоял за стволом. Ель попала большая — в два объёма, — и зверь с человеком начали двигаться вокруг неё. Медведь резко бросался вправо Иван — влево, медведь — влево, Иван — вправо. Со стороны могло показаться, что они играют в пятнашки. И это действительно была игра — со смертью. Потеряв Иван на мгновение самообладание — и его тут же достала бы когтистая лапа.

Зверь скоро понял, что так человека не возьмёшь. И тогда, собрав в ком всю кипевшую в пасти слюну, он с рыком выхаркнул её в лицо Ивана. На какое-то мгновение тот ослеп, но всё же успел уклониться от удара, и когти, располозовав рубаху, оставили лишь несколько борозд на плече. Увидев кровь, медведь стал реветь ещё громче, седая шерсть на загривке поднялась дыбом, его всего трясло.

Чем бы это кончилось — известно. Иван просто бы обессилел и рано или поздно попал в смертельные объятия. Но его хранила судьба. Старая зверовая лайка Белка, почуяв, в какую беду попал её хозяин, сумела перегрызть зубами поводок, на который была посажена в полуверсте от солонца, чтобы не распугать косулю своим запахом.

Иван запомнил до мельчайших подробностей, как чёрно-белый ком с отчаянным лаем вылетел из-за деревьев, взметнулся на загривок медведю, повис на нём. Зверь мотнул собаку в сторону, прыгнул за ней и исчез в ельнике. Вскоре лай Белки и рёв медведя затихли где-то далеко.

Иван еле дошёл домой, упал на лавку, а потом ровно три дня не мог выговорить ни слова — онемел. На третьи сутки вернулась домой и собака — похудевшая, с поврванным ухом и заплывшим глазом. Он прижал её к себе и расцеловал в невидящий глаз и осунувшуюся морду...

На этот раз охота случилась удачной. Под утро на солонец вышла парочка косуль. Иван свалил выстрелом рогатого самца, освежевал, уложил мясо в котомку, не спеша зашагал домой. В другой бы раз душа пела, а теперь он шёл задумчивый, робко надеясь, что за ночь и утро Зинаида чуть отошла. Может, и не будет теперь так кидаться. Вот только не сильно ли ей глаз припечатал?..

Дорога домой оказалась намного короче, чем бы хотелось. Жена ходила по избе, обиженно поджав губы. Правый край её платка был низко надвинут на глаз — прикрывал синяк. Иван попытался было с заговорить с Зинаидой, но тут, хлопнув дверью, влетела Акулька, первая деревенская сплетница по кличке Лисапет.

За что её так прозвали — можно было только догадываться. То ли за то, что целыми днями чуть ли не бегом металась от дома к дому, разнося новости, то ли за вечно вытаращенные глаза, напоминавшие диковинные велосипедные фонари.

— За солью я к тебе, Зинаида, плюхнулась на лавку Акулька и завертела головой по сторонам.

Хозяева понимали, что её, конечно, привело любопытство: вчера мужик из Иркутска приехал: чего нового услышал, чего привёз? А соль — только повод.

Хозяева не торопились с рассказами, но намётанный взгляд гостя сам упал на лежавшую на сундуке у входа скрипку. Акулька чуть не подпрыгнула от восторга:

— А ето чо? Ты, Иван, привёз?

Звонков кивнул головой и, быстро взяв скрипку, вышел во двор, оставив женщин вдвоём. Он не знал, что рассказала жена Акульке, но через недолгое время в открытую дверь амбара увидел, как гостя с блестящими от удовольствия глазами прошмыгнула в калитку.

— Ишь, и про соль, поди, забыла, сорока языкастая! — ругнулся он вослед. — Теперь к вечеру вся деревня, все сорок дворов знать будут. Да и чёрт с ней: шила в мешке не утаишь!..

Приоткрыв дверь амбара, Звонков сел на деревянный чурбак, раскрыл футляр и призадумался.

Иван помнил, как держал скрипку музыкант в кабаке, прижимая её к плечу своим острым подбородком, как скользили по струнам его длинные и тонкие пальцы. Теперь он критически осмотрел свои большие крестьянские ладони, гнувшие на спор подковы, умеющие надёжно сжимать косу и топор, рубанок и рукояти плуга, а вот к такой работе не привыкшие. Правда, лет двадцать назад эти вот неловкие, огрубевшие сейчас пальцы споро бегали по кнопкам гармоники, по балалаечным струнам. Да ведь когда-то это было!

«Опять насчёт бороды надо что-то кумекать, — озадачился он, проводя рукой по её плотной кучерявой лопате, — Прижмёшь скрыпку, как тот, в кабаке, а бородой враз на треть и закроет. Остричь, может? Нельзя. И так посмешищем стал, а потом и вовсе проходу не будет. А ежели пониже скрыпку-то приставить да левой рукой поддерживать покрепче...»

Обрадованный, что нашёл выход, Иван осторожно упёр скрипку в плечо, а голову чуть приподнял. «Вот так самый раз будет, — подбодрил он себя. — Теперя попробуем...»

Вспомнив о канифоли, он густо натёр ею смычок. Подражая действиям кабацкого скрипача, взмахнул смычком, рванув наугад прижатые пальцами струны, и тут же остановился, с опаской оглянувшись на дверь сарая: инструмент издал такой скрежет

и хрип, что, окажись кто рядом, — упал бы со смеху. «Не зря скрипкой зовётся, — горестно вздохнул Звонков. — Скрипит не хуже колёс немазанных. Эх, горе-музыкант...»

Уронив скрипку и смычок на колени, он долго сидел, не двигаясь. Потом, попробовав ещё раз струны пальцем, решил, что их надо чуть подтянуть. Он сделал это, поворачивая гладкие костяные головки колков, которыми научился пользоваться, играя на балалайке.

Теперь, опустив смычок на струны, Иван чуть посильнее прижал их к грифу. Скрип стал не таким отвратительным, но до благородного звука ему было ещё далеко. «Может, скрипку каку негожу в лавке шельмец подсунул? — мелькнуло было подозрение в голове Звонкова, но он тут же его отогнал: — Не в ней дело, в умении... Эх, поучил бы кто. Хоть к тому горбоносому в кабаке подойти надо было...»

В это день он так ничего и не добился. Смычок в правой руке дёргался неровными скачками, а из-под пальцев левой выползали и разъезжались в разные стороны непокорные струны. Скрипка никак не хотела раскрывать своих секретов.

Озадаченный и пришибленный Звонков вошёл в избу поздно вечером, не поднимая глаз на жену, которая наверняка слышала результаты его жалких попыток. Он молча разделся, упал на дедовскую лавку, где уже никто не спал лет десять, и сделал вид, что заснул. Но какой тут мог быть сон! Мысленно Иван раз за разом оценивал свои действия, сравнивая их с теми, у настоящего скрипача. «Всё как будто бы так, но не выходит же! В чём дело?.. В чём дело?.. В чём дело?..» — билось в его голове.

А под утро Ивану привиделся сон. Он снова сидел в кабаке, и лысый музыкант, подойдя к столу и выделявая на скрипке разные невообразимые коленца, смеялся ему прямо в лицо. А вокруг стеной стояли приказчики и тоже громко хохотали, показывая на него пальцами: «Скрипку купил! Купил скрипку! Скрипку! Ну и уморил! Ну и деревенщина!»

Иван затыкал уши руками, натягивал на голову зипун, стараясь спрятаться от них, но кто-то из-за спины упрямо срывал с него одежду, заставляя открыть лицо.

* * *

Иван пробудился от того, что стоявший рядом с лавкой Гроханский неуверенно тынул с него пёстрое лоскутное одеяло и упрасивал, тряся своей жиденькой рыжей бородею:

— Слышь, Ваня, проснись. Сколь ждаться-то можно?! Дело уж к полудню, а я с утра здесь. Поглядеть пришёл на скрипку. Акулька, баяла, купил. Мне-то уж показать можно, факт, почти родня жа...

Иван отмахнулся от Лёхи, но тут же сел на лавку. Солнце и вправду стояло высоко. Жена давно успела управиться со скотом, добела вышаркать полы, выпечь хлеб и демонстративно возилась у печки с обедом, а Ванюшка сидел на полу в новом картузе и счастливо жевал городской пряник.

— Теперя он у нас, как барин со скрипкой, к обеду будет подниматься, — не удержалась Зинаида, чтобы не поддеть мужа.

Тот молча подошёл к рукомойнику, плеснул на лицо, вытерся полотенцем, а уж потом повернулся к Гроханскому:

— Ты бы, Лёха, на работу так торопился!

— Работа не волк... гы, гы... Каждый день её невпророт... гы, гы... А скрипку не вдруг встретишь... Покажь, Ваня!..

Гроханский так и не отстал от Ивана, пока тот не завёл его в амбар и не раскрыл футляр. Впрочем, этого сразу же и хватило, чтобы полностью удовлетворить любопытство незванного гостя.

— Сколь, говоришь, стоит, три рубля? — переспросил Лёха Звонкова и тут же с ухмылкой добавил: — А деньги-то, небось, того... гы, гы... сиротское довольствие... гы, гы?..

Лёхе повезло, что Иван не смог с первого раза застегнуть футляр, этой замешки ему хватило, чтобы оценить реакцию хозяина и пулей вылететь из амбара.

— Попадись мне, гад ползучий, будешь ещё неделю лежать! — прогремел вслед голос Звонкова.

Помрачневший Иван раза два саданул кулаком по косяку дверей, а потом снова опустился на чурбан, кипя от возмущения: «И как ему в голову такое пришло! Я же денег-то этих приютских ещё ни копейки не получал, а и получу — всё до гроша на Ванюшку истрачу. Ну, подлец! Ну, и удумал! Да ещё по людям теперь побежит, скажет: Звонкову правда глаза колет, убить пригрозил... А и впрямь бы захлестнул сейчас эту гниду...»

Но приход Гроханского был только началом. Зинаида не зря навела в избе порядок — в этот день у них побывало полдеревни. И почти все — со смешком, с улыбочкой, вводя в краску онемевшую хозяйку. Каждая новая ухмылка была и для Ивана как нож в сердце, но Звонков себя сдерживал, отщучивался: стану, мол, теперь со скрипкой да со своим знакомым медведем на манер цыган по окрестным деревням бродить, а Ванюшка будет в новый картуз копейки с круга собирать...

Пришёл и староста деревенский, Прокоп Толстиков, — грузный, со своей вечной одышкой и потным лбом. Утеревшись огромным серым платком, он не то попросил, не то распорядился:

— Ну, Иван, кажи... — Повертел скрипку в руках, оставляя на лаке липкие отпечатки, хмыкнул: ничего, мол, особенного. И произнёс вслух:

— А граммофон-то получше будет, там одна труба чего стоит... Знамо дело — металл!.. А тут дерево обнаковенное...

Прокоп единственный в деревне имел граммофон и шесть пластинок к нему и очень этим гордился. Два-три раза за лето он широко распахивал окно добротного срубленного пятистенка и ставил на подоконник своё сокровище. У избы на музыку собиралась вся деревня. Толстиков и трое его сыновей гордо восседали на скамейке у палисадника и шелушили семечки, с пластинками управлялась сама жена, никому их не доверяя. Что и говорить, семья у Прокопа была крепкая. Да ведь и у других слычи четыре мужа и здоровых в доме, да чтоб на службу ни одного не брали, — горы свернуть можно. Земли-то пустой и сенокосной, и пашенной кругом полно, раздольна и щедра Сибирь-матушка. Всё богатство только от рук рабочих зависит. У Толстиковых их восемь пар, у Звонковых — две. Вот и разница.

Успокоившись, что маленькая и не очень видная скрипка не сможет понизить его престижа, Прокоп заметно повеселел, погладил по голове Ванюшку и ушёл, напевая под нос одну из своих граммофонных песен.

Иван знал, что хотя за весь день в глаза ему никто ничего обидного не сказал, в каждой избе теперь долго будет поминаться его имя, да и прозвище Скрыпач, али что похуже, — обеспечено. Чтобы исправить положение, надо выучиться играть. И поскорее. А как?

Один человек из всей деревни понял Ивана — Фролыч. Этот семидесятилетний старик, белый, как лунь, и иссушенный возрастом, одиноко жил в избушке на самой окраине. Про него вспоминали обычно тогда, когда надо было починить стул или стол, заказать узорчатую прялку невесте, обновить резные наличники. Несмотря на свои годы, старик по столярной части и теперь мог заткнуть за пояс любого, а раньше и плотником был великим. Цену себе он знал и ремеслом гордился. Иван, рано

потерявший родителей и долго скитавшийся в работниках, упросил в своё время Фролыча взять его в подручные и проходил в них несколько лет. Многому научил парня старый мастер, помог встать на ноги. Не наука бы его — разве срубил бы Иван свою избу, амбар, выправил такое подворье. Если на всё это плотников нанимать — век бы в долгах ходил...

Иван помнил добро, и Фролыч на всех праздниках был у него первым гостем. А в будни Иван сам нет-нет, да и забегал в избушку на окраине — то с пирогами Зинаидиными, то с туеском грибов или ягод, то с парочкой подстреленных рябчиков. А кому ещё было о старом бобыле заботиться, родни-то никакой не осталось...

Фролыч долго рассматривал скрипку, восхищённо гладил чуть дрожащими старческими руками её крутые бока, заглянул внутрь сквозь завитки эф, попробовал струны. Пощёлкав пальцами по деке и прислушавшись к тонкому звону, заключил:

— Дерево хорошее и лак ничо, да и вещица сама для души приятная. Ты, Ваня, не жалей, что купил. Потрезвонят и перестанут. А ты тем временем играть научишься. Вот тогда и на нашей улице будет праздник. А ты, Зина, не пили его, не пили.

Чтобы не оставаться с женой один на один, Иван вызвался проводить Фролыча и просидел у него до тех пор, пока не уверился, что дома уснули. И опять, прокравшись, как тать, прикорнул на своей лавке.

* * *

Теперь каждый вечер, управившись, по хозяйству — благо, позднюю осень со страдой не сравнить, — Иван, повозившись немного с Ванюшкой, снимал с полки заветный футляр и шёл в свой амбар.

Медленно догорал сентябрь, бабье дето давно уплыло куда-то на юг со своими белыми паутинками. К концу дня в амбаре становилось холодно и неудобно, а сразу после заката из углов его быстро напоздала серая осенняя темнота. Иван надевал овчинную охотничью душегрейку, которая, приятно обволакивая теплом грудь и спину, оставляла совершенно свободными руки, прилаживал на вставленной между брёвнами полоской железа лучину и приступал к занятиям.

На вторую неделю Иван начал чувствовать смычок, усилие, с которым его надо вести по струнам, не вызывая чрезмерного скрипа. Как будто уловил он и примерное положение правой руки, наклон инструмента, стал уверенно попадать па любую из четырёх струн. Кончики пальцев на левой руке затвердели, покрылись мозолями и надёжно прижимали вибрирующую стальную проволоку и жилы. Дело вроде осталось за немногим.

Пробуя двигать смычком вверх и вниз, он не подозревал, что пытается найти и как-то зафиксировать штрихи — приёмы игры, имеющие свои названия, давно известные скрипачам, но которые он никогда не узнает, да даже и не сумеет при случае выговорить — деташе, легато, стаккато... Иван шёл к цели своим путём — методом проб и ошибок, как известно, требующим всегда наибольших затрат времени, сил и нервов, но рано или поздно приводящим к верному результату.

Особенно трудно было настроить скрипку. Откуда было знать Звонкову, не имевшему даже представление о нотах, что первая, металлическая, струна должна звучать как ми второй октавы, вторая и третья, жильные — как ля и ре первой октавы, а четвёртая, обмотанная капителью, которую он назвал для себя баском, — как соль малой октавы. От таких премудростей, услышь он их, пожалуй, неделю болела бы голова.

Иван попробовал настроить первые три струны по-балалаечному, как помнил, на слух. Для второй и третьей строй как будто подходил, а вот первая звучала явно

низко, не как в кабаке. Медленно поворачивая колок и внимательно слушая, он подтянул струну и заставил её звенеть высоко и чисто. Помучался Иван и с баском, пока не нашёл для него приемлемого звучания. Конечно, такой строй инструмента был далёк от классического, но при наличии слуха это не имело особого значения. Знай Звонков хоть немного историю музыки, он мог бы сослаться на гениального предшественника Паганини, который не раз демонстративно играл сложные вещи на своём Страдивариусе, совершенно его расстроив. Были бы слух да память. Они у Звонкова были. А ещё в его огромном и грубом теле крылась восприимчивая ко всему живому чуткая душа, и незримые нити её связывали мужицкое сердце и с голубой бесконечностью неба, и с каждым трепещущим листком осины за околицей, и с каждой малой кровинкой.

Время — лучший лекарь и примиритель. Синяк под глазом у Зинаиды сошёл, и постепенно улеглась, забылась обида на мужа. Правда, стыд за его теперешнюю славу слегка жёг, но с ним уже начали бороться сомнения насчёт правоты оценки Ивановой покупки. Опять же, слова Фролыча вспомнились, мол, и на нашей улице праздник будет. А вдруг и будет? Ведь не бездарь мужик-то. Какое дело ни делает — всё в руках поёт. И по музыкальной части в молодые годы не с кем сравнить было. Помнится, как пойдёт с гармоникой по деревне, как заведёт переборы, только успевай сторожи своего Ваню от подружек — с ума сходили...

Теперь, обождав, пока Иван устроится по вечеру в амбаре, она наказывала Ванюшке сидеть смиренно и не высказывать на улицу, а сама следом за мужем потихонечку выходила во двор. Замерев на крыльце, прислушивалась. Сначала просто с любопытством, а потом уже и с тайной надеждой. И однажды поймала себя на мысли, что ей хочется, пожалуй, не меньше его, чтобы скрипка наконец-то ожила.

...В тот день она вышла из избы не слушать Ивановы мучения, а принести дров для печки, прогоревшей слишком рано. Привычно подошла к поленнице, набрала охапку побольше, да вдруг и замерла. Из-за тёмных дверей амбара, чуть подсвеченных изнутри огоньком, доносились не обычный скрип и визг, а плыла музыка. Она сразу же узнала любимую песню Ивана, которую протяжно и чисто, хоть порой и не совсем уверенно выводила скрипка:

*Степь да степь кругом,
Путь далёк лежит,
В той степи глухой
Замерзал ямщик ...*

Зинаида осторожно сложила дрова обратно, тихонько подошла к приоткрытой двери и прижалась щекой к притвору. Не видя её, муж продолжал играть, и только пламя потрескивающей лучины, отражаемое лаком скрипки, медленно плавало по потолку и стене, да вспыхивала жёлтым светом седина в Ивановой бороде и волосах.

Закончив играть и почувствовав на себе взгляд, Звонков повернулся к двери, увидел жену и впервые за этот месяц чуть заметно улыбнулся ей.

— Холодно здесь, поди? — постаралась как можно равнодушнее спросить Зинаида, но голос её всё же чуть дрогнул, а потом и вовсе потеплел: — Шёл бы в избу, да там бы уж и учился. Музыкант ты непутёвый... мой...

— Да нет, тут ничё, тут не холодно, — смущённо заёрзал на своём чурбане Иван. — Я вона душегрейку надел, лучину приладил... А то и приду... приду... Сыграю вот разок ещё, не забыть штоб, и приду...

Когда Иван вошёл в избу, огонь был уже погашен, но жена не спала.

— Так на дедовской лавке и будешь всё время почивать? — раздался приглушённый шёпот? — Не надоело ещё?..

Положив скрипку на место и осторожно ступая, чтобы не потревожить Ванюшку, Звонков направился к лежанке.

На следующий день он не пошёл в амбар. После ужина Зинаида убрала со стола посуду, разлила по горшкам принесённое с дойки молоко, опустила его в погреб. Уложила в кровать Ванюшку, чмокнула его в щеку. Дождавшись, когда она управится с делами, Иван тоже сложил недовязанную сеть и деревянную иглу, достал скрипку и смычок из футляра, сел в угол, подальше от сына, чтоб не мешать ему. Сыграл подряд два раза «Ямщика» — в памяти обновил, а потом начал подбирать «Тройку», потихоньку подпевая себе:

*Ка-ка-я на серд-це кру-чи-и-на,
Ска-жи, те-бя кто а-гар-чил ...*

Иван глянул краем глаза на Ванюшку, а тот аж подался весь в его сторону, настояжился. Глазёнки слипаются, а слушает. Под музыку и заснул, сладко так губами причмокивая.

А Зинаида тоже ни одного слова не проронила, будто боялась ненароком разрушить хрупкий мостик, что соединил Ивана со скрипкой. За прялкой сидела и всё слушала. И вилась под музыку нить неощутимо, будто сама текла. Кончил Иван играть — и веретено перестало крутиться, упало на бок.

Так у них теперь и повелось. Забираясь вечером в кровать, Ванюшка просил:

— Сыглай, тятенька, «Тлойку».

Звонков брал в руки скрипку, и семейный музыкальный вечер начинался. За «Тройкой» и «Ямщиком» пошли «Священный Байкал», «Лучинушка», а потом и тот вальс, что Иван в городе в кабаке слышал. Зинаида как узнала, что вальс про Маньчжурию, — не утерпела, сбегала за женой Александра — Катей. А заиграл Иван солдатке вальс — замерла та сначала, а потом слезы по щекам так и покатались. Вспомнила мужика своего, да и как не вспомнить ей было Санюшу: любил её до смерти, на руках носил, пальцем ни разу не тронул. А вот выбрала же его японская пуля проклятушая, и остался, сокол, навечно в чужой земле. Двенадцать мужиков уходили из их деревни на японца, десять вернулись. Правда, двое без ног, но живые. А ему — не судьба.

— Разбередил ты мне душу, Иван, ой разбередил, — утёрла глаза уголком платка Катя. — А ить всплакнула, да тебя послушала — и полегчало, камень, вроде, с души свалился. Спасибо вам с Зинаидой, что Санюшу моего помните, да ребятишек не забываете. Из тулупа твоего, Иван, в аккурат обоим по шубёнке скроила, обновки на зиму будут. И с дровами помог, дай тебе Бог доброго здоровья, до самой Масляной хватит... Сыграй, Вань, ещё чё-нибудь, повеселей чуток, а то и я, и Зинаида твоя расклеились...

Деревня есть деревня, любая новость почти мгновенно становится здесь общим достоянием. Недели через две Акулька Лисапет, стоя у колодца, уже размахивала руками и тараторила:

— Ей-богу, бабаньки, сама слышала — выучился он, объездил скрипку-та. Иду вечером мимо ихней избы и слышу — чой-то поёт. Да будто не голосом. Вошла потихоньку во двор, прислушалась — так и есть, играет Скрыпач! Да гладко так, справно. Вот вам, девы, и весь смех! Теперича он над нами лыбиться станет!

— Ну, Скрыпач, ну, мудрец лесной! — ахали бабы и спешили домой — поделиться с мужьями, рассказать новость соседям.

Скоро мимо Иванова дома все стали ходить внимательно прислушиваясь, а встречая его па на улице, не ухмылялись ехидно — почтительно приветствовали, как в былые времена.

* * *

В тот вечер Иван долго не мог заснуть. Улеглась Зинаида, давно успокоился Ванюшка, а он все сидел и играл. Смычок и пальцы сами выводили какую-то очень грустную, жалостливую мелодию. А он вспоминал под неё самый непонятный, странный и страшный месяц в своей жизни, когда тайга, словно вновь испытывая его ровно через год после встречи с медведем, наслала ещё одну беду.

Дело было в середине июля. В эту пору вся деревня дневала и ночевала на лугах — торопилась убрать сено, пока стояло ведро. Пройдя за день несколько десятков немалых прокосов, Иван не повалился вечером, как все, под пахучий и такой желанный стог, а взял ружьё и решил побродить по перелескам между делянами. Вдруг самец косули подвернётся (самок в эту пору грех бить) — вот и будет мясо, а то простокваша с окрошкой изо дня в день приелись.

Ему и впрямь повезло — уже за второй деляной, в березнячке мелькнуло между деревьями и замерло знакомое рыжее пятно. Подойдя чуть ближе, Иван убедился — косуля, самец, то бишь, — козёл. Было далековато, по Звонков выстрелил. Козёл метнулся через перелесок в сторону коренной тайги. Поначалу Иван решил, что промазал, но, подойдя к месту, увидел на траве несколько алых капель. «Надо догнать, пропадёт зазря», — решил он и, не раздумывая, быстро пошёл по следу.

Преследование затянулось на несколько часов, хотя в азарте Иван этого не заметил. Он понял, что зашёл далеко, когда сумерки заставили остановиться и оглядеться. Место было незнакомое — какое-то дальнее болотистое урочище, но сейчас это его не пугало: человек, уверенно чувствующий себя в тайге, всегда может по целому ряду примет определить сторону света, а там и верный путь...

Возвращаться назад по темноте Иван не стал. Солнце взойдёт — само дорогу укажет.

Достал кресало, собрал в кучку немного сухого мха, высек искру. Через несколько минут у его ног уже ластился костерок. Иван достал из котомки горбушку, которую прихватил на всякий случай, щедро посыпал её всегда носимой в тайгу в отдельной тряпице солью. Он ел не спеша, растягивая время, аккуратно собирал крошки в ладонь. Никак не отпускала досада из-за ушедшего козла, но с этим надо было смириться — времени на преследование уже не осталось. Он и так теперь опоздает к общему выходу на луг. Дай Бог, успеть захватить росу, а то день пропадёт вполнощину.

Как только первые лучи зажгли вершины деревьев, Иван быстро определил направление. Он помнил, что козёл вёл его не прямо, а по петле, все время забирая влево. И теперь он решил сократить обратный путь, «срезав» эту петлю.

Через пару вёрст на пути попало небольшое болотце. Прощупывая его срезанной палкой и ногой, Иван перебрался на противоположный берег. После узкого сухого перешейка путь опять преградила хлоплющая между кочек застоялая вода. Миновав её, Иван решил взять чуть правее, потом — влево. Он считал, что вышел на прилуговые болотца и сейчас за ними должны показаться чьи-нибудь стога.

И вот тут-то всё и началось. Ещё через версту Иван упёрся в болото, которое с трудом перешёл только к самой темноте, вымочившись по пояс и едва не утонув в трясине.

А на следующий день чёрная топь обложила его сплошным кольцом. Иван шёл не туда, куда хотел, а туда, куда можно было пройти. Иногда за целый день, выписав десяток причудливых петель и спиралей, он уходил от места последней ночёвки не дальше полувёрсты. Природа зло смеялась над человеком, заставляла его бессильно топтаться на месте.

Десяток патронов, лежавших в котомке, скоро был расстрелян, и обычная запечённая в глине под ночным костром утка стала недосягаемой мечтой. В довершение к этому, выбираясь из очередного «окна» в болоте, он зацепил за корягу и оборвал шнурок, на котором висело кресало. Так на вторую неделю Иван лишился своего главного союзника — огня.

От зелёной клюквы и сырых грибов нестерпимо резало в желудке, но он всё же ел их, чтобы совсем не обессилеть. Иван шёл и шёл вперёд, но в голове уже не раз мелькала чёрная мысль о том, что среди этих болот, видимо, и уготован ему Богом конец. «Вот только за какие грехи смерть-то такая нелюдская?» — вздыхал с горечью он каждую ночь, проваливаясь в тяжёлый тёмный сон.

На двадцатый день (чтобы не потерять им счёт, Иван вырезал по утрам зарубки на ольховой палочке) ему повезло. В небольшом леске он увидел рыжевато-серую птицу чуть побольше рябчика и сразу догадался — дикуша. Эта самая доверчивая обитательница тайги, будто специально была когда-то создана природой для таких вот попавших в беду людей. Чтобы поймать её, человеку нужна лишь верёвочная петля да сажённый прут.

Иван быстро привязал обрывок шнурка к своей палке, подвёл силок к бестолково тнянувшей шею птице и резким рывком захлестнул петлю.

Сырое мясо он прежде не ел даже замороженным, но теперь тёплая солоноватая мякоть вызвала у него лишь лёгкое отвращение. Глотая липкие куски, он чувствовал, как отпускает боль в желудке, а в голове все начинает медленно кружиться, будто после стакана вина.

«Раз послал Бог дикушу, значит не выдаст», — ободрил себя Иван и в какой-то момент ему показалось, что именно сейчас он идёт верной дорогой.

А потом всё началось снова. Глупых серых птиц больше не встречалось. Изорванные ичиги уже не защищали сбитых опухших ног, а болота по-прежнему дышали вокруг своим тяжёлым смрадом, вытягивали последние силы и надежду.

Иван слабел. Все короче становились его переходы между отдыхом, всё труднее было отрывать по утрам от сырого мха большое и тяжёлое тело. Он потерял где-то котомку с ольховой палочкой, а вместе с ней счёт дням. Выбросил Звонков и бесполезное без патронов, но ставшее нестерпимо тяжёлым ружьё. Когда оно жалко хлопнуло в болоте, Иван вдруг вспомнил прошлогоднего медведя: «А вдруг сейчас этот «знакомый» выйдет... — Но, к своему удивлению, совсем не почувствовал страха: — А и чёрт с ним, двум смертям не бывать...»

Однажды утром он смог сделать только десяток шагов и упал прямо в чёрную жижу, едва успев отвернуть лицо, давно уже превратившееся из-за комариных укусов в бесчувственную ватную маску. Он встал и рухнул снова. Лес за болотом начал двигаться в каком-то нелепом танце, а потом поплыл под облака...

Когда Звонков открыл глаза, его будто прошило молнией. Прямо перед ним, на краю парившего болота стояла... Зинаида. Но была она не теперешней, а совсем молодой девчонкой, той, с их первой вечерки. Стройная, ясноокая, пригожая. И платье на ней было то же самое — по светло-зеленому полю алые маки. Зинаида поманила его рукой и пошла прямо по болоту.

— Куда ты, сгинешь, утонешь ... — прошептал было Иван спёкшимися губами, но она ласково улыbnулась в ответ:

— Не бойся, милый, пойдём ...

Он поднялся сначала на четвереньки, потом стал во весь рост и неуверенно шагнул. Торф колыхался и зачавкал под его ногами, но держал, а тело казалось неестественно лёгким, каким-то воздушным.

Время от времени Зинаида останавливалась, поджидая его, и снова шла. Новеньким красным сафьяном блестели её туфли, остававшиеся на удивление сухими.

Иван не помнил, сколько времени они так шли — полдня, день, два — он потерял чувство времени, не видел ни солнца, ни звёзд — только зелёное платье с призывно пламенеющими алыми маками да манящие, зовущие руки Зинаиды.

Она довела его до пригорка, откуда уже были видны стога, и исчезла.

Иван снова упал. Поднялся на локтях и медленно пополз к стогам. Там, на дороге и нашёл его Дмитрий Васильев, возивший со своей деляны сено. Оказалось, что Звонков проблудил тридцать восемь суток. Почерневшая от горя Зинаида в тот вечер уже поставила тесто для стряпни ко дню его сороковин, а дома давно ждали две приготовленные поминальные четверти вина.

Вино-то это собравшиеся на радостную новость деревенские мужики сразу и выпили — за воскрешение Звонкова из покойников. А самого Ивана жена, по советам Фрольча, целый месяц отпаивала настоями трав да корней, кормила с ложки, как ребёнка.

Отошёл Иван, выправился. Только вот с той поры грибы есть перестал напрочь, уж больно они ему на болотах опротивели.

А как-то ночью Звонков признался Зинаиде.

— Слышь, девка, а ведь из болот-то ты меня вывела ...

— Ты чё, спросонья придумал? — не поняв, отмахнулась она.

На том разговор и кончился.

Больше года после этого случая Иван не ходил в тайгу, а потом опять потянуло. Как начали русаки по первотропу свои стёжки путать — купил он по дешёвке у Гроханского доставшееся тому от родителя и не пользованное теперь ружьишко. Не чета, конечно, тому ружью, что в болотах осталось, но все же...

* * *

Слава Ивана как скрипача разлетелась не только по своей, но и по окрестным деревням. Теперь по вечерам к нему домой стали заходить те односельчане, что прежде в избу Звонковых и не заглядывали. Если хозяин долго не брал в руки скрипку, робко напоминали: «Ты уж, Иван, того... сыграй чё-нибудь душевное...» И он всякий раз исполнял просьбу.

А потом пошли приглашения на свадьбы, крестины, именины. Звонков, если было время, не отказывался, вот только платы не брал. Для души, мол, играю, а где деньги — там душе места нет.

Однажды под Рождество, отстояв, как и положено, обедню, Иван было направился из церкви домой, но на крыльце сельского храма его остановил сам батюшка, отец Пётр.

— Христианин ты, Иване, крепкий, — начал священник разговор, — и веру блюдёшь, и посты, и праздники все. Вот, сказывают, на скрипке, играть выучился. А скрипка — это тебе не балалайка, инструмент высокий, в краях наших редкостный. Помышляю, ей и в Храме Божиим звучать не зазорно. Оно конечно, может, и не совсем по канонам,

но опять же — скрипка... Глядишь, и прихожан прибавится... Верё уважение, тебе по-чёт... Давай-ка приходи в воскресенье да к хору подстраивайся. Поглядим...

Для Ивана такое предложение было, конечно, лестным. Ещё бы, ни одна их деревня, а целых три слушать будут, и в месте-то каком — богоугодном. Да и не было отродясь такого, чтобы в их церкви кто-то на чём-то играл.

Придя домой, Иван тут же похвастался Зинаиде:

— Отец Пётр со мной говорил, на службе играть буду.

— Да неужто в самой церкви, да на службе! — заохала та с явным удовольствием. И тут же повернулась к Ванюшке. — Сходим, сходим, тятеньку нашего послушаем. Ох и молодец он стал у нас, прямо первый герой на деревне!

В следующее воскресенье церковь была переполнена, поскольку Акулька Лисапет постаралась и на этот раз. Пришли даже те, кто не был здесь с прошлой Пасхи — любопытно, как всё получится у Ивана.

А он сам, с расчёсанной бородой, аккуратно разобранными на пробор волосами, в новой рубахе стоял у хора — десятка деревенских старух, молодух да двух-трёх подростков. В положенном месте службы хористы запели, и Иван тут же подладился под них. Чистый голос скрипки поплыл под купол, закружил-закружил над склонёнными головами, принимая до дрожи загрубелые в обычной жизни, но светлеющие в храме души баб и мужиков.

Отец Пётр гордо поглядывал на прихожан, а в переднем ряду светилась от счастья и смущения Зинаида с Ванюшкой на руках. Возвращались они семьёй с обедни — как с небес спускались, ног под собой не чуя.

Скрипка и подружила Ивана с отцом Петром. Теперь они часто встречались до службы, обговаривали, что и как будет играть Звонков, а заодно и о делах господних толковали.

А как-то в пост священник обратился с просьбой:

— Не в службу, а в дружбу, помощи, Иване, сена привести. Одному-то несподручно.

— Какой разговор, батюшка, за честь посчитаю, — отвечивал тот.

Без привычной рясы, в полушубке и латаных штанах отец Пётр ничем не отличался от обычного мужика. Только волосы, стелившиеся из-под шапки по спине и плечам, напоминали о его сане. На удивление Ивану, поп спорю орудовал вилами, умело подавая Звонкову на воз огромные навильники слежавшегося сена и отпуская при этом весёлые прибаутки. «А батюшка-то, мужик ничо», — подумал Иван, когда сытая поповская лошадь резво потянула воз к деревне.

К ужину они уже аккуратно сметали сено в углу просторного двора, и отец Пётр широким жестом пригласил чуть заробевшего Ивана в избу:

— Проходи, Иване, потрапезничаем вместе, отказываться — грех!

Сполоснув руки, они сели к столу. Иван осторожно положил локти на белую ска-терть, боясь замарать её рукавом потёртого старого зипуна.

— Да не робей ты, не робей, — ободрил его поп и поторопил хозяйку: — Агрипина, быстрее мечи, зело голоден я, аки зверь рыкающий...

Суетившаяся у печки попадья поднесла к столу и тяжело опустила на середину жареного с картошкой гуся, следом поставила солёные рыжики, огурцы и гранёную бутыл зелёного стекла.

— Батюшка, — поперхнулся Иван, — дак ведь пост жа?! Как можно скоромное, грех на душу возь...

— Ничего, Иване, все мы многогрешны — успокоил тот. — Господь милостив, простит. Отмолю грехи за обоих. Не велишь же после такой работы помощнику пустые щи хлебать, да ещё всухую.

Отец Пётр разлил по стаканам водку, перекрестился и выпил первым. Иван было замешкался, но потом тоже выплеснул разом в рот свою посудину. Закусил огурцом. Выпил вторую, третью и начал быстро откланиваться.

— Делов по хозяйству много, звиняйте, батюшка, — торопился Иван, опустив глаза.

Придя домой, Звонков долго сидел на лавке, вперившись взглядом в угол, где висела икона. А потом повернулся к Зинаиде:

— С завтрашнего дня штоб щи варила с мясом. Раз сам батюшка в пост гусятину трескает, мне и подавно можно.

— Да ты што, с ума сошёл?! Я умру, а к скоромному не притронусь! И Ванюшке не дам оскверниться!

— Значит, вари себе в отдельном чугушке. А мне штоб — с мясом!.. И играть для него я больше не стану!

В воскресенье впервые в своей жизни Звонков не пошёл в церковь, а демонстративно сел мастерить игрушечную коляску для Ванюшки. Походив возле него кругами и погрозив божьей карой, Зинаида одна отправилась к обедне и на этот раз простояла службу сзади всех, у самого входа.

— Иван-то чё не играл? — подскочила к ней на крыльце Акулька.

— Занедужил он, руки сильно ломит, не до игры, — соврала Зинаида.

* * *

Знал бы где упасть — соломки бы постелил. Права пословица, не поспоришь. Да вот только где стелить ту самую соломку — никто подсказать не сможет. Ведал бы Иван, чем кончится та гулянка, разве поехал бы за двадцать вёрст беды искать?!

Пригласили его в Петровку, на свадьбу. Может, и не собрался бы Звонков, но женился не кто-нибудь чужой, а родной племянник Сергуня. Да и дорога февральская неутомительна. Колея накатана и пока ещё не изъедена солнцем, морозы отпустили. Не езда, а удовольствие. И Воронку проминка.

Встретили Ивана с почётом, сами жених с невестой во двор к саням выбежали, провели в горницу, рядом с собой посадили. Ну и сыграл он, конечно, от души. И слушались гости, и напелись, и наплясались. За два дня-то даже рука заболела скрипку держать. Всё хорошо прошло. Вот только приподнился с отъездом. Пока проходы да прощания — на улице и стемнело. Ну да беды в том особой и не виделось. Дорога знакомая, лошадь сытая и здоровая. Сергуня в кошёвку сена побольше навалил — чтобы мягче да теплее было. Расцеловались на прощание, уговорились на Пасху встретиться. Сунул Иван поглубже под тулуп футляр со скрипкой, взмахнул вожжём. Воронок резво взял с места, сыпанув в лицо ездоку снежной крупой.

Иван полулежал в кошёвке, слушая ровную песню полозьев и пытался переложить на музыку этот бег лошади по ночной таёжной дороге, плавное течение звёздной реки над головой, своё особое, отрешённое сейчас от всего обыденного состояние. В ушах его уже слышался какой-то ещё до конца не определившийся гул, рокот, всплывали, как со дна таинственного омута, отдельные обрывки мелодий, а вот цельной, сквозной не было. Иван чувствовал, что надо ещё немного — версты три такого полёта над спящей февральской землёй — и родится музыка, а уж дома он её сыграет. А впрочем, мороз невелик, можно прямо здесь, в кошевке. Воронку веселее будет. Опять же запомнится сразу все крепче.

— Чудные всё-таки люди, — начал рассуждать он вслух, не мешая нарождающейся в душе мелодии, — Сергуня сказал нынче, что музыку в городах на бумаге какими-то закорючками записывают, а потом даже и продают в лавках. Племяшу можно верить,

он в Иркутске целый год в найме был. Да вот только музыка — это тебе не слова какие-нибудь. Их, знамо дело, записать можно. К примеру: 3-в-о-н-ко-в И-в-а-н. А как музыку запишешь, это ведь... музыка, сама душа. И душу — на бумагу? Чудные люди! Сергуня говорил, мол, чтоб не запоминать. Да как же забудешь её, музыку-то, ежели ты её услышал, и она по сердцу тебя резанула, либо смеяться заставила, ежели поёт она в тебе...

Его рассуждения прервало беспокойное пофыркивание Воронка, который без понукания прибавил ходу. Иван оторвал голову от задка кошёвки, оглянулся назад и увидел в темноте растянутую цепочку огней. Но это были не добрые жёлтые огоньки оставшейся далеко позади деревни, а зелёные, парные — по два вместе.

«Волки!» — ожгла Ивана мысль, и по спине прошёл озноб.

Он, правда, тут же попытался сам себя успокоить, что в последний раз серые нападали в этих местах на человека лет десять назад, а теперь стали заметно осторожнее. Зарезать овцу или телёнка — другое дело. Но это самоуспокоение помогло мало. Особенно когда Звонков вспомнил торчащую из сугроба, залитую кровью ногу в разодранном сапоге — всё, что осталось от кузнеца Ильи, который, отстреливаясь от зверей с верховой лошади, выронил ружьё.

До деревни оставалось ещё вёрст десять. Воронок перешёл на крупную рысь, но зелёные огни стали приближаться. Вскоре Иван уже точно разглядел, что зверей было семь. Впереди, прямо по санной колее, бежал огромный матёрый вожак, следом — волчица, за ней рысили два переярка, а сзади неуклюжим галопом частили прибылые.

Лесной просёлок вывернул па широкий тракт. Он был лучше накатан и у лошади будто прибыло сил. Но и волкам теперь, чтобы обогнать её и перерезать путь, не надо было зарываться в сугробах — появилась возможность обойти Воронка по краю дороги.

Вожак сразу понял это, и по его рыку вся стая перестроилась за санями веером. Один из прибылых, оказавшийся в середине, видимо, не понял старшего. Он рванул вперёд и, едва забросив в прыжке лапы на задок кошёвки, попытался заскочить на неё. Это обошлось ему дорого: стоявший на коленях, и погонявший лошадь Иван тут же обернулся и резанул волка тяжёлой плетью по морде, попав по глазам. Прибылой с воем завертелся на дороге и сразу остался далеко позади.

Остальные волки разделились на две группы и стали нагонять лошадь по обочинам справа и слева. Они больше не пытались нападать на Ивана. И звери, и он понимали: свали лошадь — человек тоже станет лёгкой добычей.

«Не дать, не дать обойти!» — лихорадочно стучала кровь в голове Ивана, хлеставшего вожжами и без того летящего на пределе Воронка. А волки, высунув алые языки и сверкая в темноте клыками, уже мчались вровень с санями.

Скосив налитые кровью глаза, звери обжигали взглядами человека. А тот вдруг, опустив вожжи, склонился к полу кошёвки, что-то быстро перебирая руками. Через мгновение прямо в морду вожаку из саней метнулся огненный шар. Матёрый, а за ним и два прибылых, отпрянув в сторону, тут же «поплыли» по глубокому снегу и отстали. Через минуту в такой же ситуации оказались волчица с переярками.

Пока звери скачками выбирались на тракт, лошадь успела сделать солидный отрыв, а Иван — привязать к верёвке новый пучок сена. Эта случайно оказавшаяся в кошевке верёвка, заботливо подложенное Сертуней сено да драгоценная коробка серных спичек стали теперь его надеждой на спасение.

Вожак злился. Он уже представлял, как поравняется с лошадью, бросится наперез и сомкнёт челюсти на её трепещущей шее. Как с другой стороны её будет рвать

волчица, а потом — перерярки, как опрокинутся сани и покатаются по снегу безоружный на этот раз человек, как он рыком отправит на него переряжков — пусть учатся сами брать добычу...

И вожак раз за разом повторял свой манёвр, по каждый раз пугающая сила огня оказывалась для стаи непреодолимой. Волки тонули в сугробах, настигали сани и опять оставались в роли догоняющих. А Иван молил Бога об одном — не кончились бы сено и спички...

Весь в мыле, Воронок вылетел на пригорок перед околицей. Навстречу пахло дымом, раздался многоголосый собачий лай. Зло щёлкнув клыками, вожак прекратил погоню и, несколько раз хватнув жаркой пастью снег, развернулся и трусцой побежал назад. За ним, след в след, обозлённо порыкивая, последовала вся недовольная стая.

Увидев, что волки повернули, Иван бросил вожжи и упал лицом вниз в кошёвку. А Воронок так и летел рысью до ворот.

За двадцать лет совместной жизни Зинаида ни разу не видела, чтобы Звонков плакал. И теперь, открыв ворота, она изумилась: по лицу Ивана текли крупные слезы, а он, махая руками, ничего не мог сказать, кроме одного слова: «Живой... живой... живой...»

Уже дома, успокоившись и кое-как объяснив всё потрясённой до ужаса жене, Звонков вспомнил о скрипке. Бросая в волков верёвку, он почувствовал, как футляр скользнул из-под тулупа на дно кошёвки, а потом под его коленом что-то захрустело. Тогда было не до скрипки, но теперь Иван понял, что одна беда принесла другую.

Он быстро вышел во двор и начал выбрасывать из кошёвки остатки сена. У самого передка лежал расстёгнутый футляр, а рядом — скрипка. Тыльная часть её — Иван не знал, что она называется декой — была проломлена в самой середине, и обломки глубоко вогнулись внутрь, а на спутанных струнах жалко висел сколок грифа.

Иван пришёл в себя от того, что, выскочив во двор в накинутах полушалке, Зинаида трясла его за плечо и приговаривала:

— Да очнись, Иван, очнись! Радуйся, что жив остался! Бог с ей, со скрипкой-то! Осенью в губернии другу купишь. Пошли в дом, пошли...

Осторожно взяв то, что прежде называлось инструментом, Иван, опираясь на Зинаиду, побрёл в избу.

* * *

Как говорится, плачь — не плачь, а слезами горю не поможешь. И поэтому, через несколько дней, полностью придя в себя и перестав видеть во сне оскаленные волчьи морды, разгрызавшие его и скрипку, Иван решил попытаться отремонтировать инструмент. Перво-наперво разложил все обломки на столе и внимательно их рассмотрел. Полонка грифа не была страшной: ровный скол можно было вполне обычным способом посадить на клей. Куда сложнее обстояло дело с декой. Тоненькая дощечка оскалилась в самой середине неровными зубьями обломков, раскололась от края до края трещинами. Восстановить её было нельзя, требовалась полная замена.

Иван решил, что в таком деле, лучше посоветоваться с Фролычем. Завернув скрипку в тряпицу, он направился к нему.

— Проходи, проходи, Ванюша, — приветливо встретил своего любимого ученика старый мастер. — Дай-ка я тебя обниму, почитаю, что с того света возвратился. Будь они прокляты, зверюги эти, возьми их чёрная немочь!.. Видно, Бог тебя не выдал. Помни о том...

— Меня-то Бог не выдал, а вот скрипку... — Иван развернул тряпицу и протянул Фролычу сломанный инструмент.

— Да-а, — протянул старик, — дело сурьёзное, менять надо стенку-то.

— Вот я и пришёл совета просить, — присел на лавку к столу Иван. — Как быть?

— Дерево — сам видишь — ель. Ель, стало быть, и надо ставить, да чтоб сухая была, как порох. Ста-а-рая ель...

— Я вот думаю, шкаф у меня есть, помнишь, посудный, что от прадеда достался ...

— Вот, вот, эт пойдёт. Дерево тут первое дело. А потом — лак. Я тебе, Ваня, так скажу: на скрипке твоей лак-то не больно уж хитрый. Мы, пожалуй, смогём такой сотворить, а то и почище. Ты вот что, делай стенку-то, ставь на место, а потом и приходи ко мне вечером — сварим тебе лак.

Возвратившись домой, Иван внимательно осмотрел шкаф. Больше всего ему понравилась внутренняя полка — прямая, без единого сучка и лёгкая-лёгкая, прямо паутинка. Звонков сходил под свой навес, выбрал, отпилил еловую доску по длине старой полки и поставил на её место. Вернувшаяся из хлева Зинаида даже и не заметила подмены.

А Иван тем временем занёс с улицы маленький верстак, взял рубанок и фуганок, отрегулировал их на самую тонкую стружку. С час не разгибался он, обращая обрезок полки в тонкую просвечивающую пластину толщиной меньше двадцатой доли вершка. А когда снимал последние слои — аж вспотел. Шутка ли в деле; чуть сильнее нажмёшь — и пропадёт вся работа. Но глаз и руки не подвели: заготовка получилась ровная, гладкая — без задоринки, одинаковой толщины со старой декой. Но это было только полдела, поскольку теперь надо было придать ей форму инструмента и при этом не расколоть. Немного передохнув и остудившись кружкой холодного кваса, он очертил грифелем контуры скрипки на заготовке и принялся осторожно прорезать их самым маленьким долотцем и подчищать надфилем...

На следующий день Иван осторожно отделил от инструмента обломки задней стенки, порадовавшись при этом, что дужка, соединяющая верхнюю и нижнюю деки, осталась целой. Зачистив новую деку мелкой наждачной шкуркой, Иван аккуратно смазал её края и дужку заранее сваренным рыбным клеем и приложил на место. Дека будто там и стояла.

Внимательно наблюдавший за работой отца Ванюшка захолопал от удовольствия в ладоши:

— Вот холосо-то, тепель опять иглать мне будешь вечелом!

— Погоди радоваться, — остановил его отец, сам втайне гордясь выполненной работой. — Какой-то ещё лак нам Фролыч сварит, а то вместо игры один скрип получится...

Через сутки, когда клей просох, Иван снова направился к старому мастеру. Тот оглядел работу, похвалил:

— Ладно ты её подогнал. Теперя за мной дело.

Фролыч подошёл к стоящему в дальнем углу верстаку, открыл шкафчик над ним и начал доставать оттуда узелки и баночки, время от времени нюхая и пробуя на зуб их содержимое. Затем он разжёг огонь в русской печи, снял с гвоздя небольшой медный котелок и подозвал Звонкова:

— Иди, Ванюша, сюда, смотри да запоминай. Лак-то этот мне дед ещё передавал. Для самой красной работы, баял, лак будет. А где в наши времена красная-то

работа? Нет её и в помине, народ обнищал, зажимистее стал, красоту ни в грош не ставит. Вот и варил последний раз лак я этот, почитай, лет тридцать назад. Едва все навесы не запомнил. А ты теперь запоминай, вдруг ещё раз скрипку направлять придётся.

Фролыч натряс из мешочка полную ступку застывшей кедровой смолы, неспеша истолок её и высypал несколько мерных стаканчиков в котелок. Когда порошок расплавился, мастер добавил в него точно отмеренное количество очищенного льняного и конопляного масла, измельчённого молочая, пчелиного клея; всё тщательно перемешал.

Приладив котелок на медленный огонь старик опять обратился к Ивану, наблюдавшему за его колдовством:

— Выйди-ка, паря, во двор, да заметь — куда закат от большой берёзы тень роняет. Кольшек там воткни. Как завтра его опять тенью накроет, так и будет готов лак...

Иван проворочался на лежанке всю ночь, но так и не смог заснуть. Ранним-рано вышел во двор. Наколот огромную кучу дров — на неделю, наверное, хватит — сложил их аккуратно в поленницу. Вычистил в хлеву, дал Воронку сена, постелил побольше соломы недавно появившейся у Красавки телушке с белой отметиной на лбу, которую Зинаида назвала Звёздочкой. «Ишь, имя-то какое придумала!» — подивился он про себя, направляясь домой. Вся его утренняя работа на дворе была сделана, а солнце только чуть высветило восток. Иван вошёл в избу и сел чинить уже несколько дней ждавшие своего часа Зинаидины пимы. За этим занятием его и застала проснувшаяся жена.

— Из-за скрипки, поди, не спится? — угадала она.

— Из-за иё, — сознался Иван. — Лак из головы не выходит, как он там у деда варится, чё получится?

— Получится, получится, дед-то — мастер, руки у ево золотые. А не выйдет, я ж говорила, осенью новую купим.

Иван кивнул головой, но про себя подумал: «Как же, купим! Да ведь надо, чтобы все лето ни засухи, ни града, чтоб урожай не хуже прошлого был. Да и добрый купец в другой раз не подвернётся, не все дураку счастье. Вот и «купим» тебе...»

Весь день Иван искал какую-нибудь работу, чтоб занять время, и всё-таки оно текло очень медленно, еле дождался он вечера.

А на закате Звонков с Фролычем осенили скрипку крестным знамением и нанесли мягкой кисточкой на новую деку первый слой золотистой тягучей жидкости. Когда лак впитался и высох — через день — операцию повторили, потом — ещё.

И вот, наконец, наступил момент, когда Иван с волнением прижал к плечу скрипку и коснулся струн смычком. Они запели, но — о чудо! — звук стал чище, ярче, в нём появилась какая-то новая глубина, сочность. Не веря себе, изумлённый Звонков всё играл и играл, а Фролыч неподвижно сидел на лавке, закрыв лицо руками.

Когда под тёмными балками избушки растаял последний звук, старый мастер положил руку Ивану па плечо и тихо произнёс:

— Вот теперь и помирать можно. Исполнил я, Ванюша, на свете белом главную свою работу. Не зря жил, коли такое чудо мы с тобой оживили. Береги её, как зеницу ока.

В воскресенье Звонков снова пошёл в храм. Поставил большую свечку и, когда запел хор, не глядя на отца Петра, приложил к плечу скрипку и скользнул по струнам смычком...

«Ох и летит же время, — рассуждал Иван, осторожно ступая по залитой жирной осенней грязью деревенской улице. — Вроде недавно всё было: и покупка скрипки, и война из-за её с Зинаидой, и пальцы корявые да беспомощные, а глянть — уж два года прошло. Да ведь и немало переменялось: пальцы-то уж и те, и не те, заметно ловчее стали, смычок — будто сам плавает. И музыки-то сколь за это время выучил, насочинял...»

Звонков шёл на сход, где сегодня собирался держать какую-то речь старший писарь из волостного управления. В левом боку Ивана, будто что-то предчувствуя, сладко покалывало. Оказалось, что он и впрямь недаром месил грязь.

— Так вот, мужички, — начал приезжий, явно гордясь возложенной на него миссией, — Иркутское губернское управление, желая развить вашу культуру и проявляя отеческую заботу о духовном росте вашем, а также во исполнение Высочайшего Повеления, объявило смотр музыкантов-самоучек и народных певцов... Нашей волости назначено выставить семь человек. За сим я к вам и приехал. Вы меж собой подумайте и решите, кого достойного отправить можно. Только смотрите, чтобы волость не осрамил, чтоб мастер в своём деле был натуральный. Собрание намечено нешуточное, сам губернатор, говорят, присутствием пожалует. Лучшему умельцу приз большой назначен — жеребец породистый. Так что мозгуйте.

Думали мужики недолго. Почти сразу же Дмитрий Васильев выкрикнул:

— Чего кумекать-то, Звонкова Ивана отправить надо!

— И то верно, — тут же подхватил кто-то. — На скрипке, поди, окромя его никто не может из нашего брата...

— Ивана, Ивана, — поддержали остальные.

— Ну-на, покажите мне вашего самородка, — потребовал писарь.

Звонков вышел из толпы, снял картуз.

— И впрямь на скрипке играешь? — переспросил с заметным удивлением приезжий. — А где учился? У кого?

— Играю, — утвердительно кивнул головой Иван. — А учился тут, сам доходил...

Вскоре писарь уже сидел в избе деревенского старосты Прокопа Толстикова и слушал Звонкова, а на следующее утро Иван вместе с ним уехал на Воронке в волость.

— В пятницу нас отпустят, — сказал он на прощанье Зинаиде, принимая из её рук кошёлку с едой. — Так что в субботу вечером ждите с Ванюшкой. Призов ихних губернских не обещаю, а вот гостинцев иркутских привезу.

Неожиданно для Ивана жена уже у самой телеги вдруг крепко, по-девичьи обняла его и горячо шепнула: «Ты уж там береги себя, на смотре-то энтом. Ждать буду...»

Отвыкший от таких напутствий, смущённый Звонков долго молчал. В тишине слышен был только задорно-ликующий скрип колёс, и приезжий сам решил начать разговор.

— Любит, видно, жена тебя, Иван, вон как провожает ...

— Видно так, ваше благородие, — совсем стусевался он и опять затих.

Беседа наладилась, когда они стали говорить об обычных крестьянских делах: какова нынче пшеница, сколько кто заготовил сена, снежная ли будет зима, почему здешние коровы дают молока больше, чем петровские, отчего досаждающие всей волости змеи не водятся в окрестностях их деревни...

За разговором незаметно и доехали до места. Здесь музыкантов из всех десяти деревень, многих из которых Иван видел впервые, проверил сам волостной.

Удовлетворённо потерев после прослушивания свои волосатые жилистые руки, он обратился к мужикам с короткой, но выразительной речью.

— В Иркутске мне, чтоб до смотра не пить, а потом не бужить, да чтоб играть-петь в силу полную. Если осрамитесь там — встречу в кутузке приготовлю, сполна получите. Ну, а отличится кто — найдём как наградить помимо призов губернаторских — волюсть чай не бедная...

С тем и потянулся к губернскому городу небольшой весёлый обоз из четырёх телег. Всю дорогу то пели гармоника, то балалаечники замысловатые коленца выделывали, то огромный мужик с чёрной как смоль бородой и в красной рубашке нараспашку низким голосом выводил одну и ту же песню «Славное море священный Байкал».

Звонков свою скрипку из футляра не доставал — на тряской дороге играть на ней было неподручно, да и охоты особой пока не было. Он ехал на своём Воронке последним и пристально вглядывался в окружающий мир, уже подготовившийся к приходу зимы. Вдоль дороги медленно тянулись голые и потому какие-то мелкие, осиротевшие ольхи и осины, стволы которых казались в этот серый день чёрными и неприветливыми. Поблекли, ссутились и избегающие на склоны ближайших сопкок кедры и сосны. Что ни говори, а поздняя осень — время не особо радостное. Вот ударит морозец первый, скуёт до звона, засыплет порошей чавкающую под колёсами грязь, принарядит снежок голые ветки — тогда и посветлеет в мире, да и на сердце тоже.

Видно, потому ещё неуютно так было на душе у Ивана, что не знал он пока толком, как, где и что играть... Станет ли слушать его, замшелого мужика, городская публика, да ещё сам губернатор... «Может, зря согласился, не надо было ввязываться, — рассуждал он, ругая себя: — Ишь, славы захотел, дурень, своей-то, деревенской, мало стало...»

С постоянного двора всех участников смотра повели к красивому кирпичному дому, который провожатый назвал Дворянским собранием. Иван попал сюда впервые. Робко ступая ичигами по ковровым дорожкам, он поминутно оглядывался на лепные карнизы и цветные тяжёлые шторы, на огромную, сияющую золотым блеском люстру, на мраморные перила и ступени. Потрясённый красотой и роскошью, Иван начал чувствовать, как давит она на его неслабые плечи, как невольно сгибает спину. А когда он глянул со сцены в зрительный зал, увидел сотни бархатных кресел и представил на каждом из них по разнаряженному чопорному горожанину со стёклышком у глаза, сердце его обмерло.

— Ну, мужички, репетируйте, обвыкайтесь, — обратился к оробелой музыкальной братии солидный распорядитель. — Вечером концерт здесь и будет. Билеты все проданы, интерес к вам большой проявили. Так что не ударьте лицом в грязь. Репетируйте пока, репетируйте ...

Звонков хоть и не знал мудрёных слов «репетируйте» и «концерт», но понял, что им предлагают пока попробовать инструменты, вспомнить свою музыку и песни. Он достал скрипку, тронул легонько струны пальцами — не расстроились ли от долгой тряской дороги? — подкрутил чуть-чуть колки. Инструмент был готов, а вот он сам — не совсем, правда, до вечера было ещё достаточно времени, чтобы освободиться от оцепенения. И он стал мысленно шептать себе: «Ну, не съедят же, в самом деле. Освищут — так по заслугам. Стерплю, не умру...»

Чтобы окончательно успокоиться, Иван решил побродить по городу. Вышел на улицу и пошёл в сторону Большой Перспективы, в самый центр. Но отошёл недалеко — уткнулся в парадное двухэтажного дома с наличниками и карнизами фигурной кирпичной кладки. «Уж не тот ли дом-то?» — обожгла мысль. Иван

поднял голову и принялся читать: «Си-ро-пи-та-ль-ный дом куп-ца пер-вой гиль-дии г. Ба-за-но-ва...»

«Точно он, приют Базановский. Вот только почему «сиропитальным» прозывается? Потому, видать, што сирот пропитанием обеспечивает...»

Внимательно разглядывая — всё-таки первый Ванюшкин дом — Иван обошёл приют почти вокруг и в самом конце выходящей на улицу длинной стены увидел вход в небольшую галерейку. Двустворчатая железная дверь была открыта, и Иван без раздумий, словно кто его подталкивал, шагнул в галерейку. Короткий узкий коридорчик заканчивался сенцами с высоким сводчатым потолком. В самый центр потолка был вмурован крюк, и с него свисала кожаная люлька. У левой стены, рядом с дверью в приют, матово светился медью колокол с верёвкой.

Иван мгновенно представил, как проскользнула сюда тёмной тенью женщина, то-ропливо сунула Ванюшку в люльку, дёрнула за верёвку колокола...

Кто она была, какая? Молодая или не очень? Незадачливая служанка, соблазнённая и оставленная городским пронырой? Купчиха, согрешившая в долгое отсутствие благоверного? Бедная вдова, освободившаяся от нежеланного рта? Нищенка? А вдруг и госпожа самого благородного сословия?

«Как же она так решилась, такого мальчонку пригоженького бросила... Ить не раз потом попомнит день этот, попомнит... Не раз привидится он ей ночью, протянет свои ручонки. Ванюшка...»

Противоречивые чувства захлестнули душу Звонкова. Вроде и судил он сотворившую великий материнский грех неведомую ему женщину, но одновременно исподволь поднималась тихой волной благодарность ей: не оставь она тут подкидыша — не было бы у них сегодня сыночка, Ванечки...

Прерывая раздумья Звонкова, приютская дверь скрипнула и отворилась. На пороге возникла молодая женщина в темно-синем платье и белом платке, опущенном на лоб. Спросила приветливо:

— Вам кого? Вы по делу какому?

— Не, я так, — затоптался на месте Иван, — просто поглядеть, как да чё...

Женщина, ничего не сказав, слегка кивнула головой, затворила дверь.

Звонков вышел на улицу, постоял ещё около приюта и неторопливо двинулся в пёстром людском потоке, почтительно уступая встречным дорогу.

В Дворянское собрание он вернулся задолго до концерта и к началу его успел приобыкнуть. Да и публика ободрила, принимала всех хорошо. Стоя за кулисами, он слышал, как провожают со сцепы громким хлопаньем в ладоши ложечников и гармонистов, певцов и свирельщиков.

И вот наступила его очередь. Молодой человек в необычном кафтане с длинными полами и с густо намазанными каким-то жиром волосами вышел и объявил:

— Иван Звонков! Деревня Орбинская Байкальского уезда. Вальс господина Шатрова «Мокшанский полк на сопках Маньчжурии». Исполняется на скрипке.

Последние слова вызвали в зале оживление, и когда Иван появился перед всеми, на него с явным любопытством взметнулись сотни взглядов, застыли в ожидании потехи.

В руках огромного бородатого мужика скрипка показалась детской игрушкой. Он немного постоял, гоня волнение, переступил с ноги на ногу, кашлянул два раза и приложил инструмент к плечу.

Искушённые в музыкальной грамоте барышни и их кавалеры стали слушать с явным пристрастием: как-то сыграет известный вальс этот серый, наверняка безграмотный мужик из какой-то захолустной деревни. К их удивлению, верно взяв первую

ноту, он так и не сфальшивил ни разу до самого конца, да ещё мастерски вплёл в музыкальную канву несколько удачных импровизаций.

— Недурно, недурно, — прошёл шёпот среди солидной публики, а на последних рядах и галёрке бешено захлопали.

Смущённый артист топтался на месте и неловко, по-медвежьи кланялся.

— А теперь, господа, Иван Звонков исполнит собственное сочинение, — громко объявил молодой человек во фраке.

Ободрённый успехом, Иван взмахнул смычком, и со сцены покатила вниз невидимые волны его музыка. Она была проста и незатейлива, но одновременно несла в себе какую-то особую силу и глубину, подвластную только чисто народному творчеству, но искусённому в технических приёмах, по идущему от души и для души создаемому. О чем была эта музыка? Наверное, обо всей жизни Ивана Звонкова, о его бедах и удачах, о его счастье и боли.

Скрипка пела, рассказывая, как когда-то впервые встретил он на вечерке свою Зинаиду, как полыхнула костром на снегу его любовь и потом медленно приугасла, как появился у них неожиданно-негаданно Ванюшка, оживил разом души, и как хорошо им теперь втроем на этом белом свете. Но вот светлая и чистая мелодия резко переломилась, скрипка вздохнула, потом заплакала, закричала, заметалась. Теперь уже Иван то полз по болотам, теряя последние силы и прощаясь с жизнью, то прячась за ель, уворачивался от оскаленной медвежьей пасти, то бросал спасительные комья огня в волчьи морды, то плакал над сломанной скрипкой. Как хорошо она всё знала и помнила и как хотелось ей донести это до сердца каждого, сидящего там, внизу, заставить его замереть в своём бархатном кресле, пронять до слез, до спазмов.

А после скрипка запела о том, чего не знал пока и сам Иван, но что знала она. О том, как через несколько лет круто переменится, взломается, как истончавшийся лёд по весне, вся эта кажущая сейчас такой прочной и незыблемой жизнь. И как скрипка будет слушать у зимних костров в тайге люди с красными звёздами на суконных шлемах, как часто придётся ей петь над свежими холмиками жёлтой глины. А однажды и сам музыкант не сможет долго взять её в руки из-за сквозной раны в груди...

А ещё скрипка пела о том, что, вытащив на своём горбу первый колхоз, всеми уважаемый хозяин её однажды ночью проснётся от резкого и требовательного стука в дверь, а потом с несколькими наспех собранными узлами поплывёт на карбасе по Лене в далёкую и неведомую Якутию. И за весь месяц пути ни разу не прикоснётся к скрипке, а только всё будет утешать плачущую Зинаиду, да что-то объяснять уже взрослому сыну о произошедшей ошибке. И они вдвоём будут сочинять письмо вождю и тщетно ждать ответа...

А ещё скрипка пела о том, что сторожившая Ивана всю жизнь и ходившая с ним бок о бок смерть всё же скараулит его. Ещё крепкий и кряжистый, как старое дерево, он однажды прижжёт палец угольком, поплюёт на него и забудет, уехав на дальнюю лесную деляну. А там, за двое суток, в одиночку, сторит от страшного «антонова огня» — гангрены. И не узнает, что через несколько лет его Ванюшка, сам уже тридцатилетний, поднимется в атаку на сталинградском берегу в одной из сибирских рот, спасающих волжан, и упадёт лицом на запад.

А ещё скрипка пела...

Когда Иван возвратился за кулисы, стоявшие там мужики долго жали ему руки и хлопали по плечам, а зал никак не мог успокоиться.

Потом было долгое ожидание решения комиссии. Иван не мог знать, что все входящие в неё музыканты единодушно говорили о том, что первый приз надо отдать

Звонкову, а против выступал только один – представлявший на заседании губернатора его помощник.

– Помилуйте, господа, – возражал он, – это совершенно нетипичный случай. Мы же с вами, смею заметить, не в Италии живём. Что станет, господа, если у нас все деревенские мужики начнут на скрипках играть?! Гармоника, балалайка – милости просим – народный инструмент. Но скрипка?! Мужичье ли это дело?.. Впрочем, я не навязываю своего мнения, хотя оно, мне думается, совпадает с мнением Его Превосходительства... Прошу голосовать, господа...

* * *

В субботу вечером деревенские дружно потянулись на околицу: встречать Ивана. Одной из первых собралась и Зинаида, которой уже давно не сиделось на месте. Ожидавший тятиных гостинцев Ванюшка, держась за её рукав, тоже притопал на поляну к трём берёзам, где летом парни и девочки собирались на вечерки, а сейчас было холодно и неуютно.

Весело переговариваясь, все смотрели время от времени на дорогу.

– Ты, Зинаида, поди, и стойло для жеребца уже приготовила, – подшучивали мужики и тут же всерьёз добавляли: – А ведь, если по чести, Ивана нашего никому не переиграть... По всему раскладу, должен с конём вернуться.

И вот из-за дальнего бугра выехала повозка, казавшаяся на таком расстоянии игрушечной. Приближаясь, она росла, и скоро Зинаида узнала Воронка, уже почувывшего дом и споро тянувшего телегу.

Сердце её радостно ёкнуло, когда в туманном облачке за повозкой она как будто увидела торопливо трусящую лошадь. Потом лошадь внезапно растворилась в тумане. Зинаида, перевела взгляд на Ивана. Он сидел на передке, опустив вожжи и задумчиво склонив голову. Но вот на высоком взгорке парок вокруг телеги исчез, и все встречающие радостно загалдели: за телегой Звонкова бежал красивый серый жеребец...

* * *

Идти одному на кладбище было страшновато, и я уговорил Витьку Азарова. Впрочем, уговаривать его особенно не пришлось. Витька жил со своими родителями у самого погоста и постоянно уверял нас, что нисколько этого не боится, что это, наоборот, очень интересно. Округлив свои необычно большие для азиатского лица глаза, он рассказывал таинственные и страшные истории, свидетелем которых как будто бы был. И хотя мы не очень-то верили Витьке и прямо ему об этом говорили, но от его рассказов по спине бегали мурашки. Особенно о женщине в белом, которая каждую лунную ночь куда-то выезжала с кладбища на таких же белых лошадях...

Железным совком, которым бабушка Лида выгребала золу из печки, мы с Витькой выкопали ямку как раз посередине между могилами бабы Зины и деда Вани и опустили в неё завёрнутую в полотенце скрипку. Вспомнив взрослый обычай, бросили руками по горстке земли, а потом засыпали скрипкину могилу, сделав небольшой холмик.

Вечером, когда все собрались за столом, я рассказал обо всём. Бабушка грустно притихла, а мама подвела черту:

– ...И правильно сделал.

Наутро, встретившись в школьном коридоре, Витька потихоньку отвёл меня в сторонку и прошептал:

— А знаешь, я ночью слышал, как на кладбище скрипка играла... Честное октябрянское, не вру... Какую-то стари-и-и-нную музыку...

* * *

Позже, чуть повзрослев, я иногда приходил к ним. Обычно это случалось в дни, когда на душе было особенно грустно. Я никогда не любил ходить среди могил — почему-то возникало чувство, что ступаю по самим умершим. Поэтому доходил только до пригорка перед погостом, откуда была видна их оградка. Садился на одинокий сиротливый пенёк и погружался во что-то среднее между своими горестными размышлениями и ожиданием спасительного волшебства. И наступал такой миг, когда в особенной торжественно-мёртвой тишине кладбища, начинала звучать скрипка.

Музыка едва улавливалась слухом, и любое движение — порыв ветра, шелест ветки, шорох падающих па землю хвоинок — обрывали её. Но потом она возникала вновь. Мелодия была грустной, но, странное дело, чем больше я её слушал, тем легче становилось на душе, будто она, снимая с себя слой за слоем, медленно освобождалась от чёрной ноши...

Сейчас этот деревенский погост с двумя склонившимися друг к другу крестами — за сотни и тысячи вёрст от меня. Но в самые тёмные ночи я иногда слышу скрипку.

От редакции.

За спиной Владимира Николаевича Федорова — большой жизненный путь. Он родился в деревне на берегу реки Лена, после окончания Якутского университета работал в поисковых геологических экспедициях, познав красоту и суровый нрав сибирской тайги, ощутив яркость впечатлений и необычность событий, сопровождавших его. Всё это с художественной убедительностью отразилось во многих книгах стихов и прозы, написанных им.

В марте 2021 года В. Н. Фёдорову, главному редактору электронного литературного интернет-журнала «ЛИТerra», исполнилось 70 лет. Поздравляем его с творческим совершеннолетием, желаем сибирского здоровья и новых книг!

